

Толстой Лев. О нем

- [Рокер Рудольф. Лев Толстой - пророк новой эры](#)
- [Котоку Дэндзиро. Комментируя антивоенную позицию Толстого](#)

Рокер Рудольф. Лев Толстой - пророк новой эры

2010, источник: [здесь](#). *Tierra y libertad. Noviembre. No.268. Перевод: В. Граевский*

Каждый раз, когда я читаю какую-либо из философских работ Толстого, мне вспоминается новелла Эрика Густавсена «Бал-маскарад». Некий богатый граф даёт для своих многочисленных друзей бал-маскарад. В огромном, роскошном и богато украшенном зале кружится жизнь в сотнях самых разных форм. Пары скользят под звуки сладостной музыки; повсюду царят хорошее настроение, смех и веселье. Но вскоре среди шумного сборища появляются две новые маски – паяц и монах. Никто не знает, откуда они взялись, кто их пригласил и кто они такие; но каждый ощущает, как в его сердце возникает что-то странное, нечто холодное и грозное, не гармонирующее с весельем, которое царит на вечере. Обе маски проходят по залу и шепчут на ухо всем, кто к ним приближается, слова, что воспаляют их души. Паяц с жестокой иронией подвергает критике смешные и мелочные черты характера каждого, беспощадно срывая покровы с самых сокровенных мыслей, желаний и надежд; монах, со своей стороны, своими замечаниями поражает в самое сердце каждого, заставляя всех ощутить, что внешнее веселье не может заглушить внутреннюю боль.

Каждый из тех, с кем говорили двое пришельцев, молчаливо забивается в угол и забывает о шумном веселье бала. Каждый ощущает, что в его сердце задеты струны, какие прежде никогда не звучали. Позднее, когда оба чужака исчезают, большинство забывает о том, что произошло, но несколько человек остаются серьезными и в глубоком раздумье расходятся по домам.

Толстой – один из тех немногих, кто стал серьезным на балу-маскараде современной цивилизации, один из тех, кто в раздумье отправился домой и больше не вернется. Он тоже услышал таинственные голоса, что шептали ему на ухо, и ощутил горькую, страстную и жестокую иронию паяца и безысходную грусть, болезненную серьезность слов монаха. И это внутреннее прозрение повлияло на его самые сокровенные чувства, на каждый нерв его интеллектуальной деятельности, породив и развив в нем тот пророческий дух и ту глубокую моральную силу, что столь мощно взывают к сознанию нашей эпохи.

Лишь у очень немногих писателей это внутреннее понимание приобрело столь могучее выражение, как у Толстого. Сразу же ясно становится, что речь идет не об обычном

описании, но о внутреннем опыте, о воспоминаниях души, которые под творческой рукой художника превращаются в живое произведение искусства.

Все основные работы Толстого несут на себе печать автобиографичности, и этот характер его произведений проявлялся все сильнее по мере того, как он становился старше.

В первом своем литературном вкладе, повести «Детство, с первого взгляда заметен гениальный взгляд подлинного художника. Тонкий анализ детской души, который дает нам Толстой в этом произведении, – один из наиболее глубоких и чистых в современной литературе. Герой повести Иртеньев – это сам Толстой, с восхитительной поэтической силой открывающий нам, как окружающий мир с его явлениями и событиями отражается в душе ребенка. В продолжающих это произведение повестях «Отрочество» и «Юность» автобиографические черты предстают еще очевиднее, равно как и его удивительная способность описывать мельчайшие внешние детали, ничуть не нарушая тем самым художественную гармонию произведения в целом. Эта необыкновенная способность, подлинное свойство любого великого художника, отмечается во всех работах русского писателя. Его восхитительные пейзажи и сцены Кавказа, где он служил офицером, – это литературные картины в подлинном смысле слова. В двух произведениях, где он описывает осаду Севастополя, в сражениях за который он принимал участие как офицер русской армии, Толстой впервые обращается к таинственным и трагическим сторонам жизни. В этом весьма оригинальном описании войны, основанном на тончайших психологических наблюдениях, уже можно опознать будущего автора великолепного произведения «Война и мир». Но Толстому предстояло пройти еще и другую школу жизни, прежде чем созрела та грандиозная философия, которая составляет фундаментальную черту этого произведения.

Вернувшись из Севастополя в 1856 г., Толстой превратился в одного из любимцев высшего общества. В Санкт-Петербурге он был встречен как один из «героев», принимавших участие в кровавых боях за Севастополь и в то же время как молодой и талантливый писатель, которому самые крупные русские критики предсказывали блестящее будущее. То, что молодому мастеру не был по нраву милитаризм, было заметно уже по его картинам войны: но у него еще не было какого-либо определенного представления, идеала будущего. В русской столице он со всей страстью окунулся в жизнь аристократической молодежи; он стал завсегдатаем роскошных ресторанов и увеселительных заведений, где все вращается вокруг двух полюсов – вино и женщины. Какое-то время молодой писатель находил удовлетворение в постоянной погоне за новыми, утонченными удовольствиями, но, в конце концов, для него наступила неизбежная реакция, которая наполнила его отвращением к этой пустой жизни, лишенной духовного содержания. Такая натура, как Толстой, не могла потерпеть крушение в огромной трясине общества, что высокомерно именуется себя «привилегированным классом». Он понимал, что такая жизнь – не более чем суета, способная лишь на какое-то время оглушить дух и иссушит душу, но подлинная натура, ищущая в жизни чего-то более глубокого, после суеты испытает лишь отчаяние.

В произведениях, созданных в этот период Толстым, легко обнаружить поиск чего-то нового, и нередко складывается впечатление, что это похороненный заживо человек из последних сил борется за то, чтобы оказаться в месте, где он обнаружит хоть тоненький, слабый лучик света. Луч исчезает из виду во тьме, но всякий раз пробивается снова.

Когда Толстой, наконец, покинул Россию, чтобы познакомиться с жизнью в Западной Европе, один из двигавших им мотивов было, несомненно, внутренняя неудовлетворенность, пустота существования, которое уже не могло его удовлетворять. Западноевропейская культура была в ту пору идеалом образованных классов России, и чем глубже образованная молодежь ощущала невежество и безнадежное положение широких масс русских крестьян, тем более блестящими казались ей социально-политическая жизнь, образование и наука Западной Европы. И большинство действительно было ослеплено колоссальным техническим и индустриальным прогрессом этих стран, множеством достижений рациональной науки и современными политическими принципами этой части Европы. множеством достижений рациональной науки и современными политическими принципами этой части Европы.

Но Толстой и здесь не нашел решения настоячивых проблем, что лишали его внутреннего покоя. Его пронизательный критический взгляд вскоре заметил, что эта блестящая европейская цивилизация – лишь покров, под которым скрывается социальное варварство. Он стал отдавать себе отчет в том, что эта знаменитая культура основана на нищете миллионов наемных рабов, которую ложная наука объявляла неизбежным злом. Он видел, что пролетариат, бедность которого умножалась в крупных центрах европейской индустрии, все больше оторван от Матери-Земли и от природы и по этой причине постепенно теряет всякое глубинное соприкосновение с целостностью происходящего. Он чувствовал, что человек, потерявший всякую интимную связь с природой, – это цветок, выросший на неплодородной земле: он вянет и гибнет.

Толстой был одним из немногих людей, кто не позволил внешнему индустриально-техническому прогрессу переходной эпохи ослепить себя. Вся жестокая несправедливость этой так называемой культуры внезапно предстала перед его взглядом, и он все яснее понимал, что и здесь не найдет ясного ответа на мучившие его великие вопросы.

Еще в России Толстой понял, что маленький круг праздных паразитов, составляющих так называемое «высшее общество», далек от грандиозного и таинственного процесса жизни. Это убеждение еще сильнее укрепилось в нем после знакомства с Западной Европой. Он стал отдавать себе отчет в том, что на самом деле именно эти темные, неведомые, поработанные и презираемые массы составляют благодатную почву, из которой и произрастают все великие всеобщие надежды, всякое обновление жизни и общественных форм. В этих игнорируемых и непонятых массах и можно найти корни любого идеала. Все великие движения рождались в недрах масс; их надежды лежали в основе любой культуры, любых преобразований. Дух масс жил в миллионах и миллионах отдельных людей, открывая им одни и те же убеждения, желания, тоску. Он определял характер самых великих периодов человеческой истории, и все, созданное гением индивида, было вдохновлено и оплодотворено этой таинственной силой, что живет и дышит в самых глубинах общественной жизни.

Гигантское полотно Толстого «Война и мир» основано на этой философии масс; оно – логическое следствие этих убеждений. Это изумительное художественное произведение разворачивает перед нашими глазами, как огромную панораму, историю России с 1805 по 1812 годы – колоссальный период жизни европейских народов, когда жерла пушек

диктовали всем закон железа и крови, закон войны. Это не исторический роман в привычном смысле слова – это грандиозная картина, созданная одним из величайших художников, который понял и воплотил жизнь в каждой детали, в каждом характере, не забывая при этом о главной, фундаментальной гигантской идее всего произведения в целом.

В «Войне и мире» Толстой разрушил веру прагматиков в героев, – веру тех, кто видит в истории только «великих людей» и полностью игнорирует жизнь и надежды масс. Каждому, кто когда-либо с энтузиазмом прочёл книгу Карлейля о героях, я советую немедленно прочитать могучее произведение Толстого, и оно наверняка излечит его от веры в избранных. Толстой знал войну на личном опыте; он видел её во всех её проявлениях и поэтому знал, что так называемые «герои» истории – всего-навсего люди, даже люди незначительные, которые овладели искусством присваивать себе заслуги других, неизвестных и забытых историей, тех, кто на самом деле «вершит историю».

Я не знаю ни одного другого произведения в древней и современной литературе, в котором полная тайны деятельность масс, их глубинные желания и чувства получили бы столь мощное и незабываемое выражение, как в этом гениальном творении! И какое богатство красок и сцен! Кровавое поле битвы при Аустерлице и Бородино, пылающая Москва, ужасное отступление Наполеона и все печальные события той эпохи с невероятной точностью предстают перед нашим взором – и над всем этим витает проклятие народов, жуткое обвинение против организованной бойни масс: войны.

Здесь нет места для того, чтобы обсуждать «Анну Каренину», роман Толстого, в котором уже встречаются первые признаки его более позднего сурового истолкования отношений между мужчиной и женщиной, нашедшего выражение особенно в «Крейцеровой сонате» и его философских произведениях. Поговорим о нем лишь как о человеке и мыслителе, который со всей мыслимой энергией довел анархистский взгляд до логического завершения.

Люди, воспитанные на концепциях и жизненных идеях Западной Европы, с трудом могут понять религиозную эволюцию, проделанную Толстым в 1875 – 1880 годах, и восхваление им христианской доктрины. И, тем не менее, это развитие было логичным для такой личности, как Толстой. Придя к заключению, что надежды на идеал можно найти только в массах, он, со всей очевидностью, должен был погрузиться в жизнь русского крестьянина. Таким образом, он смог более чем близко познакомиться со многими религиозно-христианскими сектами русских крестьян, враждебными официальной церкви и подвергающимися постоянным преследованиям. В Европе нет другой страны, где религиозное сектантство получило бы такое развитие, как в России – стране, где оно оказало глубокое влияние на народную психологию. Этот удивительный феномен все еще не объяснён, и, однако же, в предшествующие эпохи в Западной Европе имелись аналогичные движения: существовали тысячи антиклерикальных сект, которые по-своему истолковывали христианство и проповедовали равенство всех людей. Мощные народные движения альбигойцев, гуситов и анабаптистов, бывшие инициаторами настоящей социальной революции, подавленной лишь с помощью общего союза христианских королей, знати и католической церкви; движение, вызванное Уиклифом в Англии, – все эти устремления, выросшие в народной среде, весьма похожи на современное сектантство в России. Сектантство отвергает официальное доктринерское христианство и господство

церкви. Многие его приверженцы надеются обнаружить весь идеал христианской доктрины в коммунистических общинах первых христиан. Они отрицают господство человека над человеком и признают основой подлинной христианской морали солидарность и взаимопомощь.

Будучи русским, Толстой, очевидно, ощутил влияние этих глубинных духовных поисков своего народа; он инстинктивно чувствовал, что именно здесь лежит та область, где можно работать и распространять самые сокровенные убеждения, которые он лелеял в своем сердце (позднее Роккер пересмотрел свое отношение к вопросу о «народах» и коллективных «духовных поисках», прим. перевод.). Именно это поле сделало плодотворным дух этого русского писателя, и плоды достались всем странам и народам. Для Толстого религия – это внутренний императив, побуждающий видеть в любом ближнем друга и брата. Он отвергает любые внешние церковные обряды; его христианство сводится к формуле «Люби ближнего своего как самого себя». Поэтому он видит в Иисусе самую великую идейную фигуру, когда-либо рожденную человечеством. Он восхищается не Иисусом церкви, личным сыном бога, но Иисусом-человеком, мучеником, который умер за свои идеалы. Толстой хорошо понимает, что Иисус может быть великим только как человек; как бог, он не может быть ни мучеником, ни страдальцем, ни преследователем, и поэтому он не мог быть богом.

Исходя из этого основания, Толстой развивает последовательный анархизм. Будучи врагом церкви, он является также врагом любой политической организации, основанной на силе и обязанности. Он осуждает государство в любых формах и видит в любом государственном учреждении монополизацию преступлений. Патриотизм, национализм, расовая ненависть, политика, дипломатия, милитаризм, война, закон – всего лишь отдельные ветви одного и того же древа греха. Толстой отрицает любой человеческий закон и в качестве реального условия для братского общества допускает лишь внутренний суд совести. Понятно, что он является противником монополии на собственность и, так же как анабаптисты и другие религиозные секты Средневековья, проповедует общую собственность на землю. Она принадлежит всем людям, и тот, кто присваивает ее себе, – преступник. Экономический идеал Толстого – это аграрный анархический коммунизм. Мало кто из писателей так тяжело осуждает институты современного общества, как это делает Толстой, и в то же время столь ясно показывает, что прогресс нашей так называемой цивилизации является на самом деле процессом физического и морального вырождения. Необузданная погоня за утонченными наслаждениями, беспорядочная роскошь правящих классов, и физическая и духовная нищета в крупных цивилизованных городах, где человек оторван от природы, – таковы ужасающие симптомы этого вырождения. Подобно Ж.-Ж. Руссо за 150 лет до него, Толстой провозглашает девиз: «Вернемся к природе, к Матери-Земле!». Чем проще и скромнее живет человек, тем теснее его связь с себе подобными, тем чище его чувства и больше его внутренняя радость.

Толстой – не реформатор; он не принадлежит к тем, кто хотел бы исцелить болезнь с помощью мелких улучшений. Его доктрина направлена против самых основ современного общества; он борется с содержанием, а не с формой нашей так называемой цивилизации. Он стремится реорганизовать общество и жизнь людей на новой основе и отвергает любой компромисс. В этом смысле философ из Ясной Поляны является подлинным

революционером. Отвергая любое насилие, Толстой не одобряет и насилие как средство борьбы со злом. Лучше страдать от несправедливости, чем самому быть несправедливым – таков его девиз. Со злом надо бороться не насилием, а силой своих убеждений. Чистый идеал может быть осуществлен только чистыми средствами.

Мы понимаем эту точку зрения; более того: мы добавляем, что революционный террорист бесспорно не служит идеальной фигурой будущего. Но, понимая это, мы также убеждены, что большая несправедливость не может быть устранена без вспышек применения силы, что она должна погибнуть от своего собственного оружия. Там, где человек стонет, страдает и умирает под проклятым гнетом жестокой системы, силовой протест есть лишь логическое и неизбежное следствие этой системы. Этому нас учит история всех великих народных революций.

Но в то же время мы с глубокой убежденностью принимаем высокое значение моральной силы, которая проявляется в самых разных действиях, как за это ратует Толстой. Моральный бойкот государства, сопротивление против военной службы являются, несомненно, тактическим методом, который взывает к самым высоким человеческим чувствам. И, однако же, мы не верим в то, что только с помощью этого метода самого по себе можно освободить человека от проклятия рабства.

В море течёт много рек, но, в конце концов, все они сливаются в одной цели. Так и наши пути могут быть различными, но идеал новой жизни, который выдвигает русский Руссо, – тот же самый, какой светит лучом в бездне поработанных человеческих существ, жаждущих свободы, счастья, света.

Толстой – пророк, который предчувствует страну наших детей, прекрасный храм грядущих поколений. Это страна наших надежд, великий предмет нашей ностальгии, который мы приветствуем освободительным словом: Анархия!

Котоку Дэндзиро. Комментируя антивоенную позицию Толстого

1904, источник: [здесь](#). Впервые опубликовано в *Heimin Shimbun* выпуск 40.

Какие чувства испытывают читатели, знакомясь с эссе Толстого о Русско-японской войне, опубликованным в предыдущем номере нашей газеты? Уже одно то, что столь объёмный труд создан 77-летним старцем, поражает нас невероятной энергией автора. А его мощная и изящная проза (к глубокому сожалению, наш неумелый перевод не смог передать её стиль) выражает возвышенные и грандиозные мысли — каждое слово идёт от сердца, каждое слово полно души и крови, а небесный свет столь ярок и многогранен, что способен вдохновить на танец. Читая это, мы словно слышим голос древнего мудреца или пророка.

Особое наше восхищение и уважение вызывает его анализ душевного и физического состояния общества в военное время. Он говорит откровенно о том, о чём прежде нельзя было и заикнуться, и прямо описывает то, что раньше не смели изобразить — будь то 130 миллионов русских или 45 миллионов японцев — без тени колебаний.

Взгляните: в описании оцепенения молодого императора, извилистых поучений учёных, лжи дипломатов, разложения духовенства, подстрекательств журналистов, наживы спекулянтов, страданий и бедствий множества несчастных рабочих — и всех этих угроз обществу, порождённых ядом и преступлениями войны — найдётся ли кто-то, способный рисовать столь же резко, писать столь же мощно, ясно и смело, кто смог бы с такой реалистичностью проникнуть в сердце Бога? Да, это человек, развернувший перед нами живую картину военного общества. И эта картина — факт нынешней действительности как Японии, так и России, факт огромный, чрезвычайно огромный. Сколько бы люди ни прославляли, ни восхищались, ни призывали к войне — они не могут отрицать существования этих преступлений, бедствий и опасностей, ибо сталкиваются с ними ежечасно. Однако прежде, ослеплённые милитаристским пылом, они намеренно притупляли совесть, закрывали глаза на эти факты, а в худших случаях — пытались их скрыть и замаять. Но теперь, столкнувшись с таким ясным, мощным и смелым описанием и критикой старца, как могут они не содрогнуться, не осознать, не устыдиться и не раскаяться? Мы убеждены, что великий трактат Толстого способен стать спасительным уколом для парализованной совести многих — и горячо надеемся на это. Именно поэтому мы перевели эту работу и рекомендуем её миру.

Однако было бы грубым заблуждением считать, будто мы слепо принимаем учение Толстого. Хотя не можем не восхищаться его смелыми разоблачениями преступлений и вреда войны, в вопросе о том, как предотвратить эти бедствия в будущем, наши взгляды, к сожалению, расходятся.

Рассуждая о причинах войны и её исцелении, старец говорил пространно, используя искусные доводы и изысканную риторику, но суть свелась к тому, что причина — утрата истинной религии, а лекарство — покаяние и следование воле Бога: люби ближнего и поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой. Если бы это было единственным решением, мы бы разочаровались. Ведь это всё равно что на вопрос «Как разбогатеть?» ответить: «Получить деньги». Это не решение проблемы, а подмена вопроса. С сожалением отмечаем, что некоторые до сих пор не поняли мысль старца. Мы не считаем религию бесполезной или вредной, но как человек не может жить хлебом единым, так не может он жить и одной лишь Библией. Как дух без плоти мёртв, так и плоть без духа — как может обрести покой тот, у кого нет и куска хлеба? Не все люди равны. Даже если миллионы лет взывать к покаянию — пока не изменится система, обеспечивающая людей пищей и одеждой, они продолжат жить так же, как сегодня. Когда мы, социалисты, выступаем против войны, наши методы и цели спасения не столь туманны. У нас есть чёткая логика и практический план. Нынешняя международная война вызвана, на мой взгляд, не просто «забвением учения Христа», как утверждает Толстой, а ожесточённой экономической конкуренцией между государствами. А причина этой конкуренции — капиталистический строй. Его основа — семейная система (см. редакционную статью «Истинная подоплёка международной конкуренции» в 21-м номере от 3 апреля). Следовательно, чтобы устранить войны и их разрушения, необходимо свергнуть капитализм и заменить его социалистической системой. Когда все люди будут жить в равенстве — зачем им страдать и развязывать трагические войны?

Короче говоря, Толстой винит в войне испорченность отдельных людей и предлагает спасать их через покаяние, а мы, социалисты, считаем причиной экономическую конкуренцию и хотим предотвратить войну, упразднив её. Вот почему мы не можем всецело с ним согласиться.

Хотя наши взгляды расходятся, слова старца искренни — он высказал всё без утайки, не боясь осуждения даже со стороны своих. Сам русский император не смог ему возразить, а его мнение мгновенно разлетелось по миру телеграммами. Старец — великий человек, достойнейший представитель своего времени.